

Колясниковские хроники

Пустошь

Когда-то все северное Заволжье было сплошь покрыто густыми, непроходимыми лесами-тайгой, на редких полянах которых, вблизи рек и озёр местные дикие племена добывали зверя и ловили рыбу. Славяне, по природе пахари, заселяя эти места, вырубали под пашню лес вокруг своих селений. Нелегко давались эти клочки тощей лесной земли русским поселенцам. Проходили годы, прежде чем лесной серозём давал первые всходы.

Перво-наперво землепашец валил могучие вековые деревья. Несколько лет сохли они на земле, после чего их жгли, выжигая заодно молодую поросль и удобряя золой бедную землю. Дальше крестьянина ждал поистине каторжный труд - корчёвка пней. Каждый пень, вцепивший насмерть канатами-корнями в землю, давался с боем (корчевали вручную, лошадей жалели). Наконец пни убраны, корни и камни собраны - можно пахать. Хорошо если была соха, в древние-то времена вязали к особенно сучкастому и узловатому бревну веревку и усадив сверху мальчика, волокали такую суковатку по земле. Недаром селения наши зовутся деревни, что идет от глагола *драть*, *раздирать*, именно так только можно назвать освоение нашей лесной, тяжелой, глинистой целины.

Спустя века люди все меньше корчевали лес под пашню, легче было удобрить и обиходить уже существующие рощицы вокруг деревень. Каждое такое чистое, пустое место - пустошь свободная от леса, дававшаяся таким трудом имела долгое время даже свое название. В XV веке, например, упоминаются в грамотах «даниловские пустоши». Но это совсем не означает, что места эти были пустые в прямом смысле слова. До XVII века в наших местах обозначение пустошь вообще обозначало чистое от леса пахотное место пригодное для человеческого поселения, независимо от того жил там кто-нибудь или нет. Некоторые пустоши по многу раз заселялись и снова пустели от моровых поветрий, набегов разбойных шаек, нашествий татар, междоусобиц, неурожая и прочих напастей. Вместо «даниловские пустоши» позднее стало упоминаться село Даниловское, что отнюдь не означает, что только тогда поселились здесь люди.

Вблизи села Даниловского издавна существовала Колясниковая пустошь. Когда-то в древние времена в ней была деревня, но в начале XVII века там видимо уже никто не жил - сказались страшные времена опричнины, чумы и смутного времени. По воле судьбы Колясниковой пустоши пришлось стать одним из мест рождения на Руси великой смуты - Раскола. Именно здесь в Колясниках начал свою деятельность один из первых раскольников - монах Капитон.

Родом этот Капитон был из нашего Даниловского села, и тогда - в начале 17-го века, в царствование первого царя Романова - Михаила Федоровича - задолго до церковных реформ Патриарха Никона, непосредственно вызвавших раскол на Руси, поднял смуту, призывая отречься от покровительства пастырей православных, убеждая жечь новые иконы фряжского письма и удаляться единения с церковью. И затем, после церковного собора 1667 года, предавшего старообрядцев анафеме, когда раскол достиг своего апогея проповедями протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята, романовского попа Лазаря, боярыни Федосьи Морозовой, Капитон стал одним из самых ортодоксальных и ярых сторонников отрицания официального православия и раскола.

Видимо не случайно Даниловская местность стала родиной одного из первых предвестников и зачинателей раскола на Руси. Наша лесная неплодородная земля никогда не располагала к земледелию. Вдали от больших городов местные крестьяне пребывали в

ужасающем невежестве и темноте. Жили они на лесных рощистях в чёрных, курных избах, крытых берестой и дерном вместе с домашней скотиной под одной крышей. В голодные годы, которых было едва ли не больше урожайных, жили охотой да грибами с ягодами, а если несколько лет подряд был неурожай, то земли пустели словно от заразы. Образ жизни захолустного, темного, малокультурного края представлял собой благоприятную почву для зарождения и последующего развития раскола. Сказалось и лихое время, наставшее на Руси после польско-литовского разорения, когда обезлюдела земля, и как пишет летописец - «люди прятались в норах лесных, а в домах их поселились звери». Дороги России наполнились тогда нищими, бродягами и юродивыми, земля зарастала бурьяном.

Пустынь

В смутные времена самозванцев и польской интервенции зимой 1609 года наспех устроенный даниловский острог был разрушен одним из польско-литовских отрядов, дворцовое село Даниловское сожжено и множество даниловских и окрестных жителей, укrywшихся и защищавшихся в остроге было убито. Один молодой поселянин села Данилова, оставшийся в живых, испытывав в последующее время все лишения свойственные крайней бедности на своей разоренной родине, присоединился к многочисленной нищенствующей братии и пустился странствовать. За время странствия принял (неизвестно где и от кого) постриг в монахи под именем Капитон и затем решил вернуться в родные края. Этот монах Капитон, прибыв на родину, построил недалеко от села Даниловского на Колесниковой пустоши убогую келью-избушку и стал жить в ней по подобию древних молитвенников пустынножителей, усердствуя в молитвах и постничестве.

Молва об аскетических подвигах Капитона быстро распространилась по округе и вскоре привела к нему других подвижников, которые построили себе рядом такие же избушки и избрали себе в наставники Капитона, несмотря на его совершенную безграмотность. Видимо за время странствия Капитон набрался верхушек кое-каких знаний, выучил некоторые молитвы и для своих сограждан вполне сошел в духовные учителя. Весть о колесниковском подвижнике каким-то образом достигла и до державной Москвы. В 1634 году милостью царя Михаила Фёдоровича Романова «сему чудесному затворнику старцу Капитону пожалованы были под пустынь пустошь Колесникова да Маремьянин починок», «...в прошлом 1634 г. пожаловали мы под пустыню затворнику старцу Капитону нашего дворцоваго села Даниловскаго пустошь Маремьянин починок, и отводил и межевал те пустоши под пустыню чарошник Поздей Рудаков».

Получив такой дар, Капитон положил здесь начало монашеской обители, соорудив деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы с приделами Вознесения Господня и Иоанна, мученика Белоградского. В том же году Капитон, не довольствуясь устройством мужской обители, основывает в соседней деревне Морозово женский монастырь и постригает в ней двенадцать стариц.

Слава о Капитоне быстро росла. Многие молитвенники и молитвенницы для безмолвного жития находили приют в новых пустынях - Колясниковской и Морозовской. Капитон при этом весьма ревностно подвизался в наставничестве, подвизался до того, что даже в праздники Рождества Христова и Пасхи не разрешал есть сыр, масло и рыбу, питаясь со своими учениками только хлебом, ягодами и грибами. Вместо же красных яиц христосовался в Пасху красными луковицами (кстати даниловского сорта). Такие необычные свойства малограмотного учителя легко покоряли ему волю и убеждение учеников, мало превышавших его образованием. Капитон возомнил о себе, как о великом подвижнике и наставнике, начал презирать духовный чин, убеждал учеников своих избегать пастырей церкви, не принимать у них благословения. Невежественный проповедник проклинал все новые веяния, учил не поклоняться новым иконам, но только старым. Но самое страшное учение Капитона было учение об очищении огнем. Впоследствии, после церковной реформы, когда всю Россию охватил Раскол, самосжигательство среди староверов получило широкое распространение. «Капитон той слышан бе, - писал инок Хрисанф Лопарев. - Ограть писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей, яко муж праведен и благ; инок чуден в вологодских пределах близ Данилова, Колясниковския пустыни строитель бе, воздержен в пост». Но в те 30-е годы 17-го века до массового движения раскола было еще далеко.

В 1635 году в Колясниковой пустыне побывал Преображенского Рязанского монастыря Архимандрит Герасим и о «виденных им разных неистовствах затворника Капитона» доложил бывшему тогда Патриарху Всея Руси Иосифу. Дело было представлено и самому царю Михаилу Федоровичу. Назначено было следствие, в ходе которого выяснилось, что Капитон - еретик. Дела в те годы разбирались медленно и лишь 22 августа 1639 года ярославский воевода

Порфирий Иванович Секирин получил приказ «представить монаха Капитона в Ярославский Спасо-Преображенский монастырь к Архимандриту Никандру под крепкий надзор старцу духовному и искусному, который бы грамоте был горазд и хмельнова пития не пил, чтобы ево в вере и в иноческих правилах поразсмотрел, и в чувство привести и к церкви Божией к пению ему велели ходить с братиею всегда и божественным иконам поклоняться по подобию, по заповеди святых Апостолов и святых отец, и жить по монастырскому чину и церковному правилу был навывчен гораздо, никого сторонних людей к нему не пускать и беседовать с ним мирским людям ни о чем не велеть».

Не устерегли Капитона! Одни источники показывают, что старец узнал о намерениях властей и скрылся прежде, чем воевода Секирин прибыл в Колясники, по другим сообщается о пребывании Капитона в Ярославле в Спасском монастыре; якобы притворно раскаявшись, Капитон заслужил доверие архимандрита Никандра, и, воспользовавшись этим доверием, сбежал из-под надзора. Так или иначе, но исчез он из Колясниковской обители и скрылся в густых лесах, появляясь впоследствии то в Костромском уезде, то во Владимирских, то в Кинешемских краях, скрываясь постоянно от властей и неутомимо проповедуя раскольничьи идеи, приобретая повсюду новую славу и большее число последователей и учеников. Напрасно посылаемы были указы к разным воеводам, напрасно отправляли воеводы в разные местности отряды, чтобы взять Капитона и представить в Москву, он постоянно скрывался в лесах до самой глубокой старости. Капитон умер во Владимирском уезде в Вязниковской пустыни аж в 1687 году. Таким образом более полувека он бродил по северной Руси, бегая по лесным раскольничьим скитам густо рассеивая в душах людских плевелы невежественного учения раскола и беспоповщины, и, как ни странно, плевелы эти давали густые ядовитые всходы и цвели смертоносными цветами. Особенно густо «взошли» они в Пошехонье и Ярославско-костромском Поволжье.

Борода капитонская

Монаха Капитона вообще нельзя назвать обыкновенным раскольником, он был не столько «ревнитель древнего благочестия», сколько бесноватый еретик и смутьян. Но его еретические учения оказали по-видимому огромное влияние на развитие раскола. Если бы не его проповеди, то может быть и не было бы этих страшных массовых самоистреблений, когда целые деревни, ведомые подобными неистовыми старцами-раскольниками, запирались в церквях и сжигали себя.

Капитон в своей Колясниковской пустыни близ Данилова дал один из первых примеров отречения от официальной церкви в истории раскола. От него все раскольники тогда, триста лет назад, назывались «капитонами». Так зовут их в своих записках и ранние исследователи и описатели раскола. Святой Дмитрий митрополит Ростовский, исследовавший подробно раскольничество в своем труде «Розыск о раскольнической Брынской вере, о учении и делах их» в 1709 году, посылая экземпляр книги в Москву, к другу своему Феологу, пишет в письме: «Посылаю тебе бороду Капитонскую, изрядную, долгую, широкую, расчесанную, в которую не жаль плюнуть».

В 1634 году повсеместно Капитон называется не иначе как старцем. Вряд ли с таким постоянством стали бы говорить таким образом о молодом человеке, даже монахе. По крайней мере в ту пору это был человек хотя бы зрелых лет, т.е. 30 - 40 лет. Прибавим к ним 53 года, разделяющих год основания Троицкой обители и смерти Капитона. Получается, как минимум 85 - 90 лет. А если считать, что понятие «старец» более соответствует тому возрасту, о котором говорят «в годах», т.е. 40 - 50 лет и больше, то выйдет что Капитон умер будучи столетним стариком.

Новая обитель

Когда монах Капитон скрылся из Колясниковской пустыни, управление ею, повелением царя Михаила Федоровича, вверено было настоятелю Даниловского Преображенского монастыря старцу Пимену, с предписанием «... ему и монахам жить по преданию и уставу монастырскому к церкви Божией к пению приходиться всегда и пост имети, как в иных прочих монастырях Российского Государства бывает, и Капитоново учение и устав ево велети оставить и тово велели беречь, чтоб в старцах и ни в ком никаких плутен, что делалось при Капитоне, не было».

Но пламенным защитником и продолжателем Капитонова учения и ярким противником нового настоятеля старца Пимена оказался в этой обители инок Мирон, сумевший своей мнимой святостью заслужить у братии величайшее уважение, уподобившись своему учителю. И напрасно Пимен уговаривал Мирона с братией оставить расколучение: они не переставали

своевольничать, изрыгали разные хулы на православную церковь и не слушали, и всяко проклинали своего нового настоятеля. Недолго продолжалось такое богохульство. Опасаясь преследований властей, колясниковские монахи по примеру своего наставника «пошли из монастыря все вон и монастырь оставили пуст». Разошлись по земле русской невежественные последователи Капитона, разнося семена самого темного и гнусного раскола, которые долгие годы впоследствии давали горькие плоды в виде страшных сект беспоповцев, самосжигателей и самоубийц.

Таким образом опустела Троице-Колясниковская обитель и посему повелено было переселиться в нее всем монахам Даниловского Преображенского монастыря с настоятелем своим отцом Пименом. Поскольку каким-то образом Даниловский монастырь устроен был на землях, принадлежавших дворцовому приказу (владениях царского двора), и нашелся способ разрешить вопрос с занятием царской земли, повелено было упразднить Даниловский Преображенский монастырь «ибо, негоже монастырю на царском месте быти...». Преображенская церковь стала приходским храмом, а монастырская братия переехала в пустые кельи Троицкой обители. При этом Пимену предписано было, что если прежние старцы явятся опять в Троицкий монастырь, «то бы их ловили и держали под крепким надзором». Были ли случаи возвращения их в обитель - неизвестно. Произошло переселение в том же 1639 году, когда сбежал Капитон с учениками.

В настоятельство отца Пимена пустынь снова начала устраиваться. В Колясникове воздвигается еще один деревянный бревенчатый храм в честь Иоанна Предтечи с двумя приделами: Алексия, человека Божия и Сергия Радонежского. В 1640 году строитель с братией просили патриарха Иосифа благословенной грамоты освятить приделы церквей Троицкой и Предтечевской. В Троицкой церкви Пимен просил освятить один из приделов церкви вместо Иоанна Белоградского в честь Казанской Божией матери, поскольку из Даниловского Преображенского монастыря перенесена была чудотворная икона Казанской Божией матери.

При Пимене же в 1644 году перенесена была по благословию патриарха колокольня с трапезной Троицкой церкви на Святые Ворота монастыря, и в ней устроены были два придела, в честь Пророка Ильи, другой в честь Иоанна Белоградского. В 1682 году неизвестно по какой причине обратил свое внимание на обитель келарь Троице-Сергиевой Лавры старец Прохор и, испросив дозволения у бывшего тогда Патриарха Всея Руси Иоакима, организовал строительство в Троице-Колясниковском монастыре каменных храмов, и не одного, а сразу двух. И вот, вследствие сего явились в монастыре каменные церкви в честь Живоначальной Троицы и Казанской Божией матери. Обе церкви были освящены в 1687 г. Спасоярославского монастыря архимандритом Иларионом.

В 1693 году в обители случился пожар и все ее строения сгорели. Остались лишь обгоревшие стены каменных храмов. При виде такого запустения царский окольный князь Петр Лукич Львов, возымел желание возобновить монастырь. Он пожертвовал сюда готовую деревянную церковь, в которой и стало совершаться богослужение. Но когда исправлены были обгоревшие каменные храмы, акты церковные не передают этого, видимо совершалось сие постепенно собственными силами обители.

Монастырь Колясниковский просуществовал до 1764 года, когда повелением Екатерины Великой по Руси было проведена секуляризация монастырских владений, сопровождавшаяся упразднением множества монастырей, в особенности небольших, не имевших значительных земельных наделов. Троице-Колясниковская обитель попала в их число и была закрыта указом от 24 декабря 1764 года. Монахи пустыни переселены были в Костромской Ипатьевский монастырь. Церкви были преобразованы в приходские храмы и на месте монастыря вскоре образовалось село Троицкое, что в Колясниках. В обители скопилось множество ценной церковной утвари, которая передана была тогда тоже в Костромской Ипатьевский монастырь.

В 1766 году от 10 февраля получен указ Костромской Консистории о возвращении по описи церковных вещей бывшей Колясниковской пустыни (из Ипатьевского монастыря, куда их унесли с собой переведенные монахи) в церковь села Даниловского.

Горькие плоды

В 1639 году последователи даниловского монаха Капитона разбежались из Колясниковской пустыни и рассеялись по городам и весям Пошехонья и Поволжья, проповедуя по монастырям, скитам и лесным пустыням капитоновское учение об отречении от официальной православной церкви и огненном очищении от грехов. В Западной Европе Капитона и его учеников, как еретиков, немедленно сожгли бы на костре за такие учения. На

Руси же, хотя и посылали многократно стражу изловить Капитона, видимо не приложили достаточных усилий для его изоляции, позволив ему более 50 лет распространять свои учения.

Густо рассеваемые Капитоном семена его невежественного темного учения дали всходы через несколько лет в 50-х годах 17 века, когда в России возник Раскол. По сути исправления в церковных обрядах, внесенные патриархом Никоном при поддержке царя Алексея Михайловича (отца Петра Великого), были незначительные: креститься тремя пальцами (щепотью) вместо двух, исправлены были и церковные книги (вместо Иисус стали писать Иисус) и т.п., но значительные слои русского населения отказались принять эти исправления. Возникло противостояние между никоновцами и «ревнителями древлего благочестия» - старообрядцами. Церковь «раскололась» на две части.

При малом распространении образования для большинства людей того времени дух евангельского учения и завет Христа - любить ближнего, как самого себя, оставались мало понятными. Доступные и понятные были строгие требования церкви хранить и исполнять обряды, те внешние формы, в которых выражается христианское учение. Поэтому-то, оберегая чистоту веры, стали и обряды, и самые мелкие, хранить тщательно и ревниво. Когда реформой 1653 года патриарх Никон стал вводить новшества в церковную жизнь, темный народ смутился. Святость церковного обряда казалась равносильной святости самой веры. Протопоп Аввакум, самый главный идеолог раскола, прямо говорил: «лучше человеку не родиться, нежели три персты знаменоваться». Все новшества и нововведения приписывались «нечестивым немцам».

Отверженные Московским собором 1667 года раскольники соединяются в единое общество и в этом обществе приобретает взгляд на церковную власть и на самую церковь как на неприязненные силы. Казни главных расколуучителей (протопопа Аввакума с романовским попом Лазарем сожгли на костре в 1681г.) и строгие распоряжения царицы Софьи Алексеевны (старшей сестры Петра Великого) возбудили в среде раскольников сильнейший фанатизм, который привел к бегству в лесные скиты, пустыни и даже к самосжигательству, которому так страстно и учил даниловский монах Капитон. Проповеди Капитона о беспоповщине (отторжении от официальной церкви), двоеперстии, огненном очищении неожиданно нашли широкий отклик в сердцах не приемлевших церковные нововведения патриарха Никона.

Учения Капитона вкупе с проповедями попа Лазаря в соседнем Романове (ныне город Тутаев) имели для пошехонского края и всего ярославско-костромского повожья самые печальные последствия. До каких размеров дошел в населении фанатизм и враждебное отношение к церкви и государству, можно заключить из того, что нигде не распространялись так самоистребление и массовые самосжигательства, как в уездах Пошехонья, Романова и Костромы (Даниловское село входило тогда в Костромской уезд). Инок Евфросин, раскольничий писатель того времени, оставивший нам описания самоубийственных смертей, свидетельствует, что один из пошехонских поджигателей благословил и понудил сгореть многих: «Неции поведают четыре тысящи, иные же, яко тысящ пять бе». Желание «огненной смерти» настолько сильно охватило население, что по свидетельству того же Евфросина «было весь Романов согласился в воду и в огонь без запности готов».

В исследованиях раскола святого Димитрия, митрополита Ростовского, 1709 года имеется подробное описание «огненной смерти» 1920-и человек «обоого пола и всякого возраста» в приходе села Козьмодемьянского (ныне Тутаевский район) Белосельской волости вотчины князя И.И.Голицына. Как память об этой знаменитой «Козьмодемьянской гари» на колокольне церкви села Шаготь (раньше оно называлось село Староандреевское) имелся колокол с славянской надписью вязью: «Лета 7191 (1683) марта в 9 день приложили сей колокол к церкви св.Космы и Дамиана, вотчины Ивана Ивановича меньшого Голицына, села Андреевского крестьяне всем миром по своих родителей. А весу в нем 15 пудов 6 гривенок».

Слабый и неопределенный по своему началу, раскол оказался на редкость силен и живуч. При всей несостоятельности своего вероучения он быстро пошел по пути окончательного и безвозвратного отторжения от церкви и православного общества к внутренней самостоятельной организации. Окончательно осужденный церковью, неумолимо преследуемый, скрытно и осторожно раскол стал развиваться и организовываться в религиозные общины, которые просуществовали и до наших дней. Но если множество раскольников пошли по пути простого старообрядчества, ограничиваясь лишь двоеперстием, чтением древних книг и аскетическим образом жизни, каким жили все их предки, то последователи Капитоновских учений образовали наиболее ортодоксальные направления раскола, которое в наши дни назвали сектантством.

До революции известно было несколько сект беспоповцев, живших по уставам, завещанным самим Капитоном. Один из последователей Капитона - поселянин Подрешетников в конце 17 века под Костромой основал особое раскольническое общество. Запретив своим

ученикам ходить в церковь, он прекратил всякое общение с православным духовенством. Сторонники его стали называться Подрешетниками. Не имея священства они сами совершали в домах своих церковные службы: крестили, исповедовали, и не дерзая, как пишет митрополит Макарий в своей «Истории русского раскола», совершать таинства тела и крови Господней, вздумали заменить его для себя другим причащением. Для этого выбиралась обыкновенно девица, которая, нарядясь в цветное платье, уходила в подполье. Через некоторое время, когда изба наполнялась богомольцами, девица выходила из подполья, неся на голове своей решето, наполненное изюмом и покрытое белым платком, произнося при этом трижды: «всех вас да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно, и вовеки веков». Получив от присутствующих троекратный «аминь», она начинала причащать их, раздавая им ягоды. Причастие это считалось напутствием к самовольной смерти, которой «подрешетники» обычно и умирали сжигая себя или умерщвляя другими способами. *(Вероятно предание погрешает насчет происхождения названия этой секты, которое очевидно произошло от решета с изюмом на голове девки.)*

По числу сектантов и раскольников до революции Ярославская губерния вообще отличалась. Здесь необходимо снова отметить, что старообрядчество и сектантство - разные категории раскола, не имеющие, впрочем, какой-то резкой границы. У Головщикова в книге «Город Данилов и его уезд» 1890 года читаем о старообрядцах: «Умственно-образовательный уровень коренного населения очень низок. Даниловские старообрядцы, которых обоого пола насчитывается до 200, живут совершенно отдельно от прочих обитателей. В их домашнюю жизнь, полную аскетизма, не в состоянии проникнуть ничей сторонний глаз. Даже самые их жилища сгруппировались здесь почти все в одной местности, хотя между даниловскими старообрядцами насчитывается несколько согласий». Наиболее заражёнными расколом местами Головщиков называет Вятскую, Середскую, Бухаловскую, Хабаровскую, Никольскую волости, где в раскольниках числилось до трети населения волости. При этом тогда (сто лет назад) среди крестьян встречались приверженцы всех основных течений беспоповства: Нетовщина или Спасово согласие, Поморское согласие, Любушкино согласие, Федосеевцы, Филипповцы.

Головщиков упоминает также о встречавшихся на юге Даниловского уезда и в Шаготской волости Романовского уезда представителей наиболее радикальной раскольничьей секты Странников или Бегунов, устав и образ жизни которых унаследованы напрямую от даниловского монаха Капитона. Эти Бегуны вели исключительно страннический образ жизни, который являлся их религиозной обязанностью, считали смертельным грехом иметь паспорт (которые считались у них измышлением антихриста) или другой какой-нибудь документ с печатью или адресом. Даже при простой встрече с кем-либо не объясняли они своего звания и происхождения, следуя правилу: «аще кто спросит: откуда? ответствуй: граду не имею, но грядущего взыскую». Все это очень напоминает образ жизни самого Капитона, крестного отца пошехонских и костромских сектантов, что полвека бегал по лесным скитам, скрываясь от властей.

Вступавший в секту Странников получал от наставника деревянный крест для ношения на груди, оправленный в олово, с резным изображением распятия и резными надписями. Почитая себя иноками, они вкушали исключительно постную пищу. По смерти Странника, заворачивали его в рогожу и зарывали в лесу, или в поле, а часто и в домашних сараях, совершая обряд погребения большей частью ночью.

Село Троица, что в Колясниках

фото - теплая Казанская церковь. Фото нач. XX в. с.Троица-Колясники

В прошлом 19-м веке Троица в Колясниках была большим селом с церковным поселком, в котором были два старинных каменных храма и каменный дом священников с церковно-приходской школой. Приход села был небольшой, кроме самой Троицы в него входили деревни: Молоково, Стёпаниково, Ростилово, Конищево, Санино, Коряково, Погорелка и Волшня. Село процветало за счет множества паломников, что стекались с округи к чудотворному и явленному образу Казанской Божией матери. Рассказывают, что икона «плакала» в Пасху. Бабушки, которые тогда были молодыми и ходили в Казанскую церковь в Троицу-Колясниково рассказывают о видениях Богоматери, сходявшей с образа во время церковной службы.

Во время Петровского поста совершался крестный ход с чудотворной иконой в город Данилов, где она выставлялась в Воскресенском соборе со второй недели поста по 8 июля. Четыре версты от Троицы до Данилова шел крестный ход. Впереди на особых носилках несли икону, за ней шло даниловское духовенство, дворяне, купцы и далее простой народ. Истовые молитвенники вставали пред иконой на коленях на пути следования шествия.

В 30-е годы нашего века церкви в Троице закрыли. При закрытии было обнаружено множество старинных грамот и деловых бумаг, в которых отражалась вся история Троицы в Колясниках. Из реликвий также были большой восьмиконечный крест с 24 частицами мощей разных святых, созданный в 1688 году, и церковная книга «Синодик», принадлежащий к началу 17 века. В этом «Синодике» первое место занимает Сибирский Архиепископ Симеон, бывший некогда в числе братьи Даниловского Спасо-Преображенского монастыря, а затем, при перемещении онога, Колясниковской пустыни (Симеон тот видимо не принадлежал к капитоновским ученикам).

Ковалев в книге «Данилов, Любим» пишет, что при закрытии церковей там были также старинный «Псалтырь» 16 века, «Судебник» (точнее, наверное, вышеупомянутый «Синодик» - прим.авт.) 17 века, икона Андрея Рублева, и некоторые предметы утвари 16 века и, как пишет Ковалёв, все это были дары царя Иоанна Грозного. Эти реликвии, наверное, остались ещё со времен существования Даниловского Преображенского монастыря, что был в 16-м веке во времена Ивана Грозного в селе Даниловском. Видимо эти реликвии попали сюда ещё при переселении Даниловского монастыря в 1639 году в опустевшую капитоновскую пустынь в Колясниках.

При переселении Преображенского монастыря вероятно было перемещено в Колясники и захоронение местного даниловского святого Ильи юродивого. В старинной книге, хранившейся в библиотеке ярославского собирателя древних рукописей И. А. Вахрамеева под названием «Книга, глаголемая российских святых, где и в коем граде, или в области, или монастыри и пустыни поживе и чудеса сотвори всякаго чина святых» говорится о некоем юродивом, весьма почитавшимся в округе, по имени Ильи. В ней говорится так: «Св. Блаженный Илия Христа ради юродивый, иже в Данилове слободе в монастыри, преставися в лето 7100 (1592)». В поздних же письменных источниках 19-го века говорится, что могила этого самого Ильи находится в Троице-Колясниках, и над нею даже была сооружена часовня-

надгробие. Кстати место захоронения Ильи в Данилово тоже не было забыто. На этом месте в 1806 году устроена была каменная часовня рядом с Преображенской церковью (старшему поколению известна как «керосинка»).

Морозово

Отлично от братии Колясниковского монастыря, последовавшей за своим наставником по пути раскола и отторжения от православной церкви, инокини женской Морозовской обители, основанной тогда же в 1634 году тем же старцем Капитоном в соседней деревне Морозово, не соблазнились его неистовыми раскольническими наставлениями. Во всяком случае нет ни одного свидетельства о каких-либо смутных и раскольных поступках в женском монастыре. Инокини хоть и, несомненно, испытывали влияние бунтаря-проповедника Капитона (оба монастыря были всего в версте друг от друга), но остались законопослушными и безучастными к его деятельности.

Среди старинных грамот, относящихся к хозяйственным делам Морозовской пустыни следует отметить челобитную патриарху Иосифу от 1647 года от сестёр пустыни с просьбой об их переселении в бывший Даниловский Преображенский монастырь, братия которого ушла в 1639 году в опустевшую Троице-Колясниковскую пустынь. Место это расположено в районе нынешней площади Преображенской (Революции). Сёстры доносили между прочим, что они в своей пустыни «помирают без отцев духовных и без покаяния». Но челобитье их оказалось ложным и им отказано было по той же причине, по которой упразднен был Преображенский мужской монастырь. Земля эта являлась собственностью дворцового приказа и считалась старым «Царевым местом» царя Михаила Федоровича. Итоговая резолюция патриарха была следующая: «в дворцовом селе неприлично быть не только девичьему, но и мужскому монастырю».

На протяжении всего своего существования Морозовская пустынь была бедной деревенской обителью, без земельных владений. В 1764 году, как и соседняя Колясниковская мужская пустынь, Морозовский скит был упразднен. В указе 1764 г. вследствие которого упразднена пустынь, предписано: «настоятельницу (имени не указано) с двумя сестрами перевести в Костромской Крестовоздвиженский монастырь, а трех сестер в Галичский Староторжский монастырь; белиц же, если найдутся, выслать вон».

Деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная вероятно при основании обители, была обращена в приходскую церковь. Когда в селе Морозове был выстроен каменный храм, заместо старого бревенчатого, точно неизвестно. В формулярных ведомостях села Морозова записано, что каменная пятиглавая церковь с каменную же колокольню построена настоятельницами монастыря.

В 1828 году новая церковь обгорела, в огне пожара сгорели все старинные метрические книги прихода (книги, в которые записывались крещения, венчания, отпевания). В 1834 году обгоревший храм был восстановлен усердием и на средства помещицы генеральши Амалии Карловны Пузыревской. Храм был пятиглавый с главным престолом в честь Рождества Пресвятыя Богородицы. В теплом приделе находились алтари во имя святителя Митрофана Епископа Воронежского и святителя Тихона Амафунского чудотворца. Церковь была под железной крышей, с колокольней и приходским кладбищем, обнесенным земляным валом. В приходе имелись три деревянные часовни в деревнях: Плетенове, Раменье и Барлове.

Сегодня от села Морозова и церкви не осталось и следа и совершенно неизвестно, когда был разрушен храм. В справочниках указывается лишь, что «храм утрачен в советский период».

Крест Иринарха

Наподобие легенде о существовании подземного хода, соединяющего Казанский собор на Горушке с Домом Культуры (бывшим Воскресенским собором) существует также легенда о том, что между двумя монастырями, мужским Троицким и женским Морозовским, существовал подземный ход, по которому братия и сестры навещали друг друга. Но вообще, такого рода легенды о подземных сообщениях возникают везде, где соседствуют мужские и женские монастыри.

Подобно же Троице-Колясникову, имевшему свою святыню - чудотворную икону Казанской Божией матери, в Морозовской церкви хранилась весьма почитаемая и благоговейно чтимая в Даниловском уезде реликвия - Святой и Животворящий Крест Господень со святыми мощами ста разных угодников Божиих. Крест этот был серебряный, позолоченый, восьмиконечный, длиной 37 см, шириной 6 см.

фото – на престольный крест-могильник. Серебро, золочение, XVIII век. Россия

В церкви крест хранился в створчатой крестохранительнице из кипариса, отделанной также позолоченным серебром, с изображениями на ней тех святых, мощи которых находились в кресте. Подпись на лицевой стороне креста гласила, что крест сей сооружен по вере и обещанию дома Святейшего Патриарха крестовым иеромонахом Иринархом Печерским в 1708 году в марте месяце, и находится в церкви села Морозова с того времени, как был еще здесь девичий монастырь, называемый Морозова пустыня.

В прошлом веке священник села Морозово Александр Александров записал интересное сказание о появлении этого Креста в Морозове. Согласно преданиям и рассказам старожилов, которые подтверждаются письменными источниками, создателем Креста являлся иеромонах Иринарх, духовник царя Петра I. Сим Крестом благословил Петра на войну со шведами Местоблюститель Патриарший митрополит Стефан Яворский и отправил с ним в поход Иринарха в молитвенники. Иринарх находился на протяжении войны в походной церкви русского войска и благословил этим Крестом Петра Великого перед знаменитой Полтавской битвой.

После войны в благодарность за духовные подвиги Петр сделал Иринарха епископом Псковским и при отправлении на паству разрешил взять с собою и Крест, который впоследствии Иринарх завещал в вечное поминовение себя и своих родителей в Костромской уезд, в Осецкий стан, в девичью Морозову пустынь, где настоятельницей в то время была его близкая родственница.

В силу родственных и религиозных побуждений Иринарх, жертвуя столь драгоценную святыню в монастырь, делал и другие подобные дары другим церквям своей родины. Так в церковь села Троицы-Колясникова он жертвовал Святое Евангелие, на котором присутствовала надпись: «В лето 7220, от Рождества же Бога Слова 1711 марта 25 дня построися сие Св. Евангелие в Костромской уезд, в обитель Живоначальных Троицы, в Колесникову пустынь, а строил сие Св. Евангелие дому государя Святейшаго Патриарха крестовый иеромонах и судия Иринарх Печерский прозванием Будихин по своей души и по своих родителей в вечное поминовение». Хранилось это Евангелие до революции почему-то в архиве Даниловского Воскресенского собора, в котором кстати находился еще «Апостол», дарованный тогда же тем же лицом в церковь Воскресения Христова дворцового села Даниловского тоже в поминовение своих родителей.

Согласно воле и завещанию Иринарха Печерского взялся доставить Крест в Морозову пустынь бывший в то время во Пскове по должности службы помещик Иван Иванович по фамилии Грабленной, имевший коренное свое жительство в 12 верстах от Морозова в сельце

Новеньком села Михаило-Архангельского на Касти (около нынешней деревни Григорково на Ярославской дороге). До революции еще жили здесь потомки Грабленного - помещики Ратаевы. О том, что Грабленной имел здесь жительство указывает и надпись на полях одной древней книги, хранившейся в Морозове: «1794 году апреля 25 дня, то есть страстная среда, был в Новом я, поп морозовский, Стефан Андреев у подполковника Ивана Ивановича Грабленова (вероятно у сына вышеупомянутого Ив.Ив.Грабленного - *прим.авт.*), и оный исповедовался у меня пса ловчаго, а в четверток причастился Св. Тайн».

Но, взявши Св. Крест, Грабленной не захотел доставить его прямо по назначению и, вероятно соблазнившись его драгоценностью, вознамерился утаить у себя и некоторое время скрывал не принадлежащую ему святыню в означенном сельце Новом в своей домово́й церкви. Вскоре по прибытии Грабленного на родину его неожиданно парализовало, или как говорили тогда «поразило расслабление всего тела». Когда же помещик осознал свой грех и исправил оный, доставив наконец крест на место завещания - в Морозову девичью пустынь, то в недолгом времени и страшный недуг необъяснимым образом вдруг от него отступил. И решили тогда, что это было наказание свыше Ивану Иванычу за его недобросовестный поступок.

Вот такое предание записал священник села Морозово отец Александр в 1865 году. А передал ему сей рассказ столетний старец священник Григорий Стефанов, который служил в Морозовской церкви с 1797 года по 1830 и умер в 1851 году. До него же еще с 1763 года при царице Екатерине Великой, когда в Морозове еще был монастырь, служил в бывшей тогда старой деревянной Морозовской церкви отец его Стефан Андреев. Подтверждением этому служили надписи на древнем служебнике, хранившемся при церкви села Морозова: «1763 году апреля 29 дня вступил я новохиротонисанный поп Стефан Андреев служить в Костромской уезд, в Осецкий стан, к церкви Рождества Богородицы, что в Морозову пустыню на место бывшего попа Ивана Гаврилова». На этой же книге была другая надпись: «1797 году июля 12 дня сынок большой Григорий посвящен в диакона, а в попа поставлен 26 июля, а грамота выдалась за подписанием Арсения Архиепископа Ростовскаго и Ярославскаго и кавалера Александра Невскаго».

Снова пустошь

Триста пятьдесят лет прошло с тех пор, как закипела жизнь в Колясниках, и вот снова, как и в начале 17-го века здесь тишина и запустение. Несколько старых изб догнивают своё в зарослях лопухов и крапивы. Последний житель села некто Коля Цыган на зиму перебирается в город, и только летом навещаются дачники сажать картошку. На месте церковного посёлка разрослась берёзово-липовая роща. Там, где высились Троицкая и Казанская церкви - памятники 17-го века, бывшие самыми старыми каменными зданиями в Даниловском уезде - ныне еле заметны два пологих холма битого кирпича, поросшие деревьями уже значительной толщины. Неизвестно в каком году их сломали, судя по деревьям, кажется ещё до войны. От кладбища остались лишь следы ограды-земляного вала по периметру. Мало что осталось от прежнего Троицкого села. В Морозове же совсем ничего не осталось.

Кто знает сколько простоят в запустении Колясниково пустошь да Маремьянин починок, пока снова не примут на свои земли новых поселенцев. Но это будет уже другая, новая история Колясниковой пустоши.

фото - Памятный крест на месте бывшей Троицкой обители. 2018 г.

фото - характерный земляной вал на месте одной из церквей. 2018 г

*г.Данилов
1995 год*